

УДК 821.133.1-31“18”

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-113-120

ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЯ В РОМАНАХ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789 Г.

Литвиненко Н. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Проблема героя как выразителя противоречий революционной эпохи, как носителя мифа, великой социальной утопии – справедливости, равенства и братства – донныне сохраняет научную актуальность и для историков, и для литературоведов. На основе методологии историко-типологического подхода в статье рассмотрены в качестве репрезентативных романы о французской революции 1789 г.: «Жозеф Бальзамо» А. Дюма, «93 год» В. Гюго, «Боги жаждут» А. Франса. Цель исследования – выявить типологическое родство главных героев, воплотивших центральную оппозицию добра и зла, насилия и милосердия в историческом и литературном дискурсе изображаемой эпохи. Анализируются метаморфозы, которым подвергаются гуманистические идеалы при столкновении с реальной жизнью. Исторические и вымышленные герои проходят испытание «историей». В каждом из романов возникает образ революции, «пожирающей своих детей», героический и трагический, включающий элементы десакрализации мифа.

Ключевые слова: революция, идеалы, террор, милосердие, народ, мифологизация, В. Гюго, А. Дюма, А. Франс

TYPOLOGY OF A CHARACTER IN THE NOVELS ABOUT THE FRENCH REVOLUTION OF 1789

N. Litvinenko

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The problem of a character as a spokesman of the contradictions of the revolutionary era, as a bearer of a myth, of the great social utopia – justice, equality and fraternity – remains important for historians and literary scholars. The article examines the typology of a character basing on the analysis of representative novels about the revolution of 1789: “Joseph Balsamo” by A. Dumas, “Quatrevingt-treize” by V. Hugo, “Les Dieux ont soif” by A. France. The aim is to reveal the typological kinship of the main characters that embodied the central opposition of Good and Evil, Violence and Mercy in the historical and literary discourse of the depicted era. The authors of the article analyse the metamorphoses which happen to the humanistic ideals when they meet the real life. Historical and fictional characters are tested by History. In each of the novels there is the image of the Revolution, “devouring its children”, the heroic and tragic, which includes the elements of desacralization of the myth.

Keywords: revolution, ideals, terror, mercy, people, mythologization, V. Hugo, A. Dumas, A. France

Весь XIX в., как известно, «прошёл под знаком французской революции», она имела всемирно-историческое значение, знаменовала рождение новой эпохи, новой эпистемологической парадигмы, новых литературных направлений и жанров. Воздухом революции на протяжении всего столетия дышали многие поколения писателей, художников, политических деятелей, поэтов. Общественно-политические силы, участвовавшие в ней, были разнородны, их интересы были разнонаправлены. Законы, векторы развития оставались предметом бесконечных размышлений и дискуссий.

Революция (1789–1799), эпоха Наполеона (1799–1815) рождали катаклизмы и войны, напряжённую борьбу, полемику между различными идейно-политическими течениями – роялистами, либералами, республиканцами, якобинцами, жирондистами ... Осмысление катастрофического и великого опыта революционных событий заполняет всю романтическую историографию XIX века, накладывает отпечаток на процессы развития французского общества и культуры.

Центральными проблемами, волновавшими современников и поколения, пришедшие им на смену, были проблемы смысла истории, роли личности в истории, свободы и нравственного долга, случайности и закономерности, роли народных масс. На гребне поднимающихся волн эпоха рождала новых и новых лидеров, и закономерно: формирующийся романтизм выдвинул на первый план проблему героя, выражающего себя не в условных стратегиях классицизма или сентиментализма, а в контексте реальных событий, – незаурядную личность, бросающую вызов

судьбе, терпящую поражение в борьбе за свои идеалы или одерживающую нравственную победу. Эта проблематика заполняла жанр исторического романа, получала воплощение в мифологизированных образах исторических лиц, вымышленных героев, воплощающих личностную энергию свободного индивида и закономерности процессов исторического развития.

Предпринятое в данной статье сопряжение проблем литературного и историко-политического ряда отвечает запросам современного литературоведения, углубляет понимание социальной функции искусства, осмысление специфики ангажированности общественного и литературного сознания, обращаясь в XIX–начале XX вв. к событиям французской революции [8]. Проблема героя как выразителя противоречий революционной эпохи, как носителя мифа, великой социальной утопии – справедливости, равенства и братства – сохраняет научную актуальность.

Наша цель, – используя методологию историко-типологического подхода, исследовать типологию общественных исканий героя, выразителя авторской позиции, стремящегося в экстремально-революционных условиях преобразовать мир. Анализ специфики романного воплощения извечной драмы несовпадения личностных устремлений и результатов деятельности индивида позволяет осмыслить ценностную парадигму трактовки роли выдающейся личности в структуре романно-исторического нарратива. Адресуясь к широкой читательской аудитории, исторический роман о революции давал свои ответы на вечные

и насущные вопросы времени. Он воплотил в себе художественный синтез истории и литературы, направленный не на морализацию, а на проблематизацию возникающих в сцеплении, взаимодействующих смыслов.

Политическая реальность, этико-политическая проблематика закономерно и естественно в центре романов о Французской революции 1789 г., созданных на её родине в XIX–начале XX вв. Идеологические и социальные процессы, стремительное разрушение вековых традиций, войны, перекраивавшие карту мира, стали предметом актуальной научной и художественной рефлексии. Ценностные разломы революционной эпохи донныне привлекают внимание учёных. «Мне мерещится история Революции бесконечно долгая, уходящая далеко вниз по течению времён и заканчивающаяся не ранее конца XIX или даже начала XX века» [6], – пишет в 1978 г. французский историк Ф. Фюре. В романах, созданных в век революции, время течёт из прошлого в будущее, они передают драматизм идеологических, гуманистических исканий человечества на одном из трагических «перекрёстков» истории.

Помимо собственно исторических и политических причин, революционная эпоха привлекала романистов своим напряжённым драматизмом, трагизмом судеб участников событий, игрой страстей, возносивших героев к вершинам славы с тем, чтобы затем низвергнуть, погубить, отправить на гильотину.

Исторические романы о Французской революции многочисленны и разнообразны (Бальзак, А. Дюма, Э. Сю, В. Гюго, Барбе д'Оревиий, Эркман-

Шатриан, А. Франс и др.) [10]. В XIX в. они выдвигают на первый план проблему народа, революционного насилия, «проклятие долга», фигуру Героя, творца истории и её жертвы, и – как следствие – его нравственно-этическую победу или катастрофу, рисуют время трагическое, «созидательное и чудовищное» [10]. Нравственно-политическая проблематика разрабатывается с опорой на историцистскую парадигму понимания хода событий, на эстетические и этические представления о революции, понимание которой на каждом этапе исторического развития Франции – в 1789, 1794, 1815, 1830, 1848, 1851, 1871 гг. – переосмысливается, приобретает новую актуальность, вписывается в новый социополитический и социолитературный контекст [4; 6; 7; 9–11]. Столь глубоко освоенная в романтической историографии [3; 6], в трудах писателей и учёных (А. Тьер, Ф. Минье, О. Тьерри, Ж. Мишле, А. де Ламартин, Э. Кине, Луи Блан и др.) «реальность» сотрясавших Францию революционных катаклизмов интерпретировалась в соответствии с новым историческим опытом и исследовательской методологией, этическими и историческими взглядами авторов, формировала новое общественное и личностное сознание эпохи, стимулировала развитие литературных направлений и жанров.

Парадигма Героя, преломляющая общественно-политическую проблематику революции, по-разному воплощена в романтическом романе Гюго “*Quatrevingt-treize*” (1874), в реалистическом романе Франса “*Les Dieux ont soif*” (1912) в историко-приключенческой тетралогии А. Дюма (“*Joseph Balsamo ou les Mémoires d'un médecin*” (1846–1848); “*Le collier de la*

Reine" (1850); "Ange Pitou" (1850–1851); "La Comtesse de Charni" (1852–1855). Эти произведения в соответствии с авторскими жанрово-эстетическими стратегиями представляют инварианты трагического мифа о герое.

Гюго-романтик, поэт, автор «Возмездий», «Наполеона Малого», «Истории одного преступления», «Отверженных», в романе «Девяносто третий год», написанном после трагических событий Парижской коммуны, почти гротескно изображает политическую демагогию лидеров революционного террора, образы которых – Дантона, Робеспьера, Марата – почти карикатурны, и противопоставляет им неисторического героя, возвеличивает Говена, которого заслуженно казнят, но который, однако, завоёвывает в глазах повествователя и читателя высокий статус трагического Героя, «человека будущего». Нравственная доминанта его поступка – освобождение врага революции маркиза де Лантенака – оказывается выше политической целесообразности, но вынесена на романтической основе в будущее, в абстрактное пространство утопии¹.

В тетралогии А. Дюма, одного из создателей французской популярной исторической романистики XIX в., соотнесены неотвратимый ход истории, в которой участвуют массы, и «творец»

истории – авантюрист, масон, якобы владеющий тайнами мистического знания, – Жозеф Бальзамо. Этот герой, как и его прототип (Калиостро), окружён ореолом вымысла, его политическая миссия – подготовка революции во Франции – представлена в потоке эффектных, увлекательных, окрашенных тайной приключений, случайностей и событий. Наделённый ореолом байронической исключительности, герой-демиург по мере развёртывания сюжета постепенно бытовизируется, «клишируется», образ приобретает ироническую окраску, и положительная ценностная функция Героя переходит к носителю дворянской чести, к де Шарни, который верен своему сословному долгу, и к представителю третьего сословия – республиканцу Жильберу. В процессе эволюции этот персонаж приобретает масштаб не менее весомый, чем «творец истории» Бальзамо. Логике событий, влекущих дворянскую монархию к катастрофе, противопоставлен собирательный образ великой Франции и её народа, одним из выразителей которого стал Жильбер. Структурирующую функцию выполняет миф и формирующая его позиция повествователя. Эстетическая проблематика, трактовка темы Героя подчинены законам поэтики романтизма.

Автор романа «Боги жаждут» подводит нравственно-политический итог многим тенденциям трактовки революционной темы в XIX в. во Франции. Как и большинство его предшественников, он сосредоточивает внимание на проблеме революционного террора в тот трагический момент истории, когда гильотина стала мощным катализатором общественных страстей и символом общественной справедливости.

¹ Роман Гюго стал предметом дискуссий в 2015, 2019 гг. (Université du Maine). См. подробнее: Epi-revue: Les Onze de Pierre Michon et Quatrevingt-Treize de Hugo [Электронный ресурс] // Fabula, la recherche en littérature: [сайт]. URL: https://www.fabula.org/actualites/epi-revue-journee-d-etudes-de-l-universite-du-mans-destination-des-classes-preparatoires-les_89460.php (дата обращения: 18.03.2019)

ности. Создатель социально-философских романов, сатирического романа «Остров пингвинов» (1908) выражает глубокий скепсис по поводу исторического прогресса, поступательного развития человечества. В романе «Боги жаждут» он рисует почти идеального Героя, носителя республиканских идей, художника, во имя революции отправляющего на гильотину «неблагонадёжных граждан», «врагов народа». В отличие от Говена, он представлен не в контексте военных битв, борьбы с контрреволюцией, не в гиперболизированных контрастах добра и зла, а в обыденном измерении. В то же время Гамлен – исключительный персонаж, с отчётливыми следами романтического генезиса. Человек искусства, наделённый инстинктом милосердия, самоотверженно преданный революции, он не «вписывается» в окружающий его социум, в общество, живущее по прагматическим законам, далёким от идеальных устремлений героя.

Он сам становится частью дискурса революции, нашедшего символическое воплощение в гильотине, ставшей признаком гуманизации и прогресса – «цивилизованного способа казни», «коллективной репрезентацией террора» [5, с. 10]. Писатель показывает, как в революционной Франции раскручивается спираль голода, спекуляций, корысти, неразумия, патриотизма, втягивая в свой круговорот всё новых и новых персонажей, принадлежащих к разным социальным слоям – аристократии, третьему сословию, революционному народу. Механизм насилия оборачивается против самого Гамлена, и он, как и его кумир – Робеспьер, – становится очередной жертвой террора. Романтический рок в романе

Франса уступает свою роль «фаталисту истории», воплощённому в сознании фанатика-максималиста; уступает место закономерности общественной, психологической, социальной.

«Боги жаждут» – метафора, выражающая её абсолютный, неподвластный человеку общественный закон: ненависть разрушает нравственные традиции, деформирует сознание, психику людей, в результате вступает в действие императив кровавого возмездия. Они жаждут принести в жертву того, кто безжалостно сеял смерть во имя высшей цели – во имя революции и народа. Консолидирующее массу жертвоприношение отбрасывает её в доцивилизационное состояние дикости. Писатель показывает: механизм террора, насилия вызывает «эрозию морали» – идеалы революции: свободы, равенства, братства – окончательно перемещаются в пространство утопии. Писатель отдалённо предугадывает центральный мотив в новелле Ф. Кафки «В исправительной колонии», когда идеальный носитель ложно понятого долга оказался обречённым на самоуничтожение.

Исторические романы о французской революции конца XVIII – начала XIX вв. претендуют на «достоверность», создают картины революционных событий, мифологизируют историю, её Героев и антигероев. Они рисуют трагическую несовместимость высоких идеалов «Декларации прав человека и гражданина», сакральной утопии свободы с реальной жизнью; судьбу индивида, то ли вознесённого потоком событий к вершинам славы, то ли гибнущего под жерновами истории. Они содержат глубокий и актуальный для многих поколений опыт

осмысления феномена революции, процессов её мифологизации и демифологизации. В этих романах находят воплощение архетипы героев ушедших в прошлое эпох.

В разных модификациях жанра исторического романа, в творчестве писателей – и романтиков, и реалистов, и тех, кого исследователи относят к популярной литературе, – дискурс революции предстаёт в парадигме оппозиции добра и зла, где каждое из противоположных начал чревато иллюзией и самоотрицанием – на уровне социально-историческом и на уровне литературного мифа.

Французский исторический роман XIX–начала XX вв., изображая революцию 1789 г., не отрицал её грандиозного масштаба и значения, рисовал массовые сцены, картины событий, драматические коллизии, вписывал в них судьбы своих героев, всегда противопоставлял наделённым амбициями, манипулировавшим массами демагогам народ – наивный, заблуждающийся, страдающий, совершающий ошибки, жаждущий справедливости.

Искренне преданные идеалам революции, творцы истории, герои тоже не свободны от заблуждений. Парадокс и

закономерность в том, что и те, и другие, если они не манипуляторы-демагоги, типа Бальзамо, как правило, не могут избежать гильотины. Она выполняет функцию рока, подчиняясь железной логике революционного террора, гражданской войны. Она – трагический знак ценностных трансформаций, которые порождает революция, неизбежно «пожирающая своих детей». Образ революции приобретает масштаб великой утопии, в попытках воплотить которую гибнут идеальные и неидеальные герои французских исторических романов XIX–начала XX вв. Ангажированность авторов – не в отрицании социальных утопий, а в понимании их умозрительной природы, в запросе на глубокое понимание реальной жизни [1] при воплощении самых гуманных политических идей. Романы о Французской революции 1789 г. рисуют героическую и трагическую эпоху, десаκραлизуют мифы о её Героях, позволяют глубже осознать «метаморфозы феномена революционного сознания» [2] в историческом нарративе XIX–начала XX вв.

*Статья поступила
в редакцию 29.04.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвиненко Н. А. Документ и документальность в тексте и контексте французского исторического романа первой половины XIX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 127–135.
2. Никишин С. В. Феномен революционного сознания и его исторические метаморфозы: дисс. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2003. 213 с.
3. Реизов Б. Г. Французская романтическая историография. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1956. 536 с.
4. Реизов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л.: Гослитиздат, 1958. 569 с.
5. Смит Ф. Рассуждения о гильотине: карательная техника как миф и символ // Социологическое обозрение (электронный журнал). 2008. Т. 7. № 2. С. 3–23. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211833867/7_2_1.pdf (дата обращения: 09.09.2018).

6. Фюре Ф. Постигание Французской Революции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/042012/24042012-04a.html> (дата обращения: 10.09.2018).
7. Compagnon A. Théorie de la littérature: la notion de genre. Cours de M. Antoine Compagnon. Douzième leçon: Genre, création, évolution [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fabula.org/compagnon/genre12.php> (дата обращения: 01.09.2018).
8. Hamel J.-F. Qu'est-ce qu'une politique de la littérature? Éléments pour une histoire culturelle des théories de l'engagement // Politiques de la littérature. Une traversée du XXe siècle français / dir. L. Côté-Fournier, É. Guay, J.-F. Hamel. Montréal, Presses de l'Université du Québec, coll. "Figura", 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fabula.org/actualites/politiques-de-la-litterature_63422.php (дата обращения: 22.02.2019).
9. Maigron L. Le roman historique à l'époque romantique: essai sur l'influence de Walter Scott; 2 éd. Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, 1912. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1079031/texteBrut> (дата обращения: 09.09.2018).
10. Ritz O. La fabrique romanesque de la Révolution française // Acta fabula. 2014. Vol. 16. No. 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/acta/document9256.php> (дата обращения: 09.09.2018).
11. Roman M. Ce que la fiction fait à la Révolution (et inversement) // Acta fabula, 2018, vol. 19, no. 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/revue/document11328.php> (дата обращения: 27.03.2019).

REFERENCES

1. Litvinenko N. A. [The document and the documentary text and the context of the French historical novel of the first half of the 19th century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2016, no. 4, pp. 127–135.
2. Nikishin S. V. *Fenomen revolyutsionnogo soznaniya i ego istoricheskie metamorfozy: diss. ... kand. filos. nauk* [The phenomenon of revolutionary consciousness and its historical metamorphoses: PhD in Philosophical Sciences]. Voronezh, 2003. 213 p.
3. Reizov B. G. *Frantsuzskaya romanticheskaya istoriografiya* [French romantic historiography]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1956. 536 p.
4. Reizov B. G. *Frantsuzskii istoricheskii roman v epokhu romantizma* [The French historical novel in the age of romanticism]. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1958. 569 p.
5. Smit F. [The arguments about the guillotine: the punitive technology as myth and symbol]. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie (elektronnyi zhurnal)* [Russian Sociological Review (electronic journal)], 2008, vol. 7, no. 2, pp. 3–23. Available at: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211833867/7_2_1.pdf (accessed: 09.09.2018).
6. Fyure F. *Postizhenie Frantsuzskoi Revolyutsii* [The comprehension of the French Revolution]. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/html/042012/24042012-04a.html> (accessed: 10.09.2018).
7. Compagnon A. Théorie de la littérature: la notion de genre. Cours de M. Antoine Compagnon. Douzième leçon: Genre, création, évolution. Available at: <https://www.fabula.org/compagnon/genre12.php> (accessed: 01.09.2018).
8. Hamel J.-F. Qu'est-ce qu'une politique de la littérature? Éléments pour une histoire culturelle des théories de l'engagement. In: Côté-Fournier L., Guay É., Hamel J.-F., dir. *Politiques de la littérature. Une traversée du XXe siècle français*. Montréal, Presses de l'Université du Québec, coll. "Figura", 2014. Available at: http://www.fabula.org/actualites/politiques-de-la-litterature_63422.php (accessed: 22.02.2019).

9. Maigron L. Le roman historique a l'йpoque romantique: essai sur l'influence de Walter Scott; 2 йd. Paris: Librairie Ancienne Honorй Champion, 1912. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1079031/texteBrut> (accessed: 09.09.2018).
10. Ritz O. La fabrique romanesque de la Rйvolution franзaise. In: *Acta fabula*, 2014, vol. 16, no. 4. Available at: <http://www.fabula.org/acta/document9256.php> (accessed: 09.09.2018).
11. Roman M. Ce que la fiction fait a la Rйvolution (et inversement). In: *Acta fabula*, 2018, vol. 19, no. 7. Available at: <http://www.fabula.org/revue/document11328.php> (accessed: 27.03.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Нинель Анисимовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: ninellit@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ninel A. Litvinenko – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: ninellit@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Литвиненко Н. А. Типология Героя в романах о французской революции 1789 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 113–120.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-113-120

FOR CITATION

Litvinenko N. A. Typology of a character in the novels about the French revolution of 1789. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 4. pp. 113–120.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-113-120